

разряд изящной словесности, почетными академиками которого были избраны многие деятели отечественной культуры: Л. Н. Толстой, А. Ф. Кони, В. С. Соловьев, В. Г. Короленко, А. П. Чехов, К. С. Станиславский, В. В. Стасов, И. А. Бунин, Генрих Сенкевич, А. В. Сухово-Кобылини. Как хотелось бы осуществить подобного рода акцию к 200-летию со дня рождения Пушкина! Найдутся ли только достойные столь высокого звания и такого масштаба деятели культуры в нашей стране? Затихнут ли к тому времени жаркие баталии между ними и доживем ли мы до того времени? Дай-то Бог!

В своей речи, посвященной этому событию, К. К. Романов упомянул о многом, что до сего времени не утратило своего значения и является главным содержанием работы ОЛЯ РАН: «Русский язык во всем его объеме, с его наречиями и говорами, история русского языка; история русской литературы и культуры; церковнославянский язык; южные и западные славянские языки и их история; история славянских литератур; история иностранных литератур по отношению к русской; история и теория искусства; теория словесности и историко-литературной критики. На обязанности Отделения лежит составление словаря русского языка и критическое издание русских писателей». Не может не восхищать разносторонний талант и образованность К. К. Романова: ученый-филолог, переводчик, поэт, драматический артист, пианист. Но больше всего ценил он «пленительный, любимый за письменным столом, вседневный труд».

К сожалению, у нас немало ученых, кто больше ценит заграникомандировки, далеко не всегда продиктованные научной целесообразностью, участие в различного рода политических акциях, большинство из которых оказываются бесплодными, которые зачастую проводятся якобы в интересах демократизации деятельности академии.

О демократизации академической науки вот уже несколько лет не утихают споры. Мне по долгу службы много раз приходилось принимать в них участие. Не имея возможности подробнее остановиться на этом вопросе, замечу только, что демократизация РАН ни в коем случае не должна проводиться за счет снижения научного профессионализма. Нельзя допускать разрушения выдержавших испытание временем традиций академической науки. Под маркой демократизации опасно и бессмысленно проводить различного рода сомнительные эксперименты, за которые, как это у нас не раз бывало, приходится горько расплачиваться. Часто приходится сегодня слушать речи ораторов или читать статьи авторов, предлагающих такие эксперименты. Нередко такого рода ораторами или авторами оказываются не серьезные ученые, а несостоявшиеся, случайные в науке люди, стремящиеся как-то обратить на себя внимание, завоевать, если не удалось научный, то общественный, митинговый авторитет. Имена и лица таких «митинговых ученых» примелькались. К сожалению, пользуясь сумятицей и неразберихой, они зачастую проникают в различные органы законодательной и исполнительной власти, начинают мутить воду, представлять деятельность академии в искаженном свете, находить там союзников из псевдодемократов, которых, увы, у нас сейчас немало. Серьезным же людям, руководству академии вместо того, чтобы заниматься делом, нередко приходится терять много сил и времени для полемики с ними, для опровержения их вымыслов и домыслов, для доказательства бесперспективности различных проектов, выдвигаемых «борцами за демократизацию науки».

Мне запомнились слова госпожи Маргарет Тэтчер, прозвучавшие в одном из ее интервью в Москве. Отвечая на вопрос о своих общественно-политических убеждениях, она с гордостью сказала, что считает себя консерватором, но не в том, негативном, недобрительном значении, которое, как правило, вкладывается у нас в это слово (ретроград, реакционер, сторонник рутины и косности), а как приверженец стабильности, преемственности, всего того устойчивого, надежного, проверенного многолетним опытом, что помогает обрести спокойствие, уверенность и выдержку в нашем беспокойном, непредсказуемо меняющемся мире.

В какой-то степени мысль эта относится и к нашей фундаментальной гума-